

Роль Англии в формировании протогосударственности иракских курдов после Первой мировой войны (1918–1920 гг.) в форме мандатных территорий

[Вертяев Кирилл Валентинович](#)

Вестник ИВ РАН '2020, №4, с.179-191

<https://ivran.ru/articles?artid=16500>

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-4-179-191

Для цитирования: Вертяев К. В. Роль Англии в формировании протогосударственности иракских курдов после Первой мировой войны (1918–1920 гг.) в форме мандатных территорий. Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 4. С. 179–191.

В статье развивается предложенный автором ранее тезис о стадийном формировании протогосударственности иракских курдов. Концепт национальной идентичности Иракского Курдистана остается объектом сложной и уже немало времени длящейся дискуссии. Основным препятствием курдскому интегральному национализму по прежнему остается тот факт, что курды говорят на разных диалектах курдского языка, имеют ярко выраженные политические и межклановые конфликты в деле распределения власти и полномочий, не говоря уже о практической невозможности определения политических границ гипотетически независимого Иракского Курдистана. Практически с теми же противоречиями столкнулась и Англия в период оккупации Месопотамии в момент окончания Первой мировой войны (сразу после Мудросского перемирия 31 октября 1918 г). Попытки Англии создать здесь независимое курдское государство потерпели крах по целому ряду причин, затронутых в статье. На наш взгляд, именно в этот период в курдской среде началось осознанное стремление к государственности (на примере королевства Курдистан (1922–1924 гг.), имевшее классические характеристики вождества, однако носившей при этом выраженную антиколониальную, антиимпериалистическую направленность). Феноменология политических отношений британского правительства с политическими элитами такого протогосударства непосредственно перед введением мандата Лиги Наций над этими территориями под контролем Англии и стала предметом анализа в этой статье.

РОЛЬ АНГЛИИ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОТОГОСУДАРСТВЕННОСТИ ИРАКСКИХ КУРДОВ

ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1918–1920 ГГ.)

В ФОРМЕ МАНДАТНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

©2020 К. В. Вертяев^[1]

В статье развивается предложенный автором ранее тезис о стадийном формировании протогосударственности иракских курдов. Концепт национальной идентичности Иракского Курдистана остается объектом сложной и уже немало времени длящейся дискуссии. Основным препятствием курдскому интегральному национализму по прежнему остается тот факт, что курды говорят на разных диалектах курдского языка, имеют ярко выраженные политические и межклановые конфликты в деле распределения власти и

полномочий, не говоря уже о практической невозможности определения политических границ гипотетически независимого Иракского Курдистана. Практически с теми же противоречиями столкнулась и Англия в период оккупации Месопотамии в момент окончания Первой мировой войны (сразу после Мудросского перемирия 31 октября 1918 г.). Попытки Англии создать здесь независимое курдское государство потерпели крах по целому ряду причин, затронутых в статье. На наш взгляд, именно в этот период в курдской среде началось осознанное стремление к государственности (на примере королевства Курдистан (1922–1924 гг.), имевшее классические характеристики вождества, однако носившей при этом выраженную антиколониальную, антиимпериалистическую направленность). Феноменология политических отношений британского правительства с политическими элитами такого протогосударства непосредственно перед введением мандата Лиги Наций над этими территориями под контролем Англии и стала предметом анализа в этой статье.

Ключевые слова: Ирак, Курдистан, Англия, иракские курды, протогосударственность, королевство Курдистан.

Для цитирования: Вертяев К. В. Роль Англии в формировании протогосударственности иракских курдов после Первой мировой войны (1918–1920 гг.) в форме мандатных территорий. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 4. С. 179–191. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-4-179-191

THE ROLE OF ENGLAND IN THE FORMATION OF THE PROTO-STATEHOOD OF THE IRAQI KURDS AFTER THE FIRST WORLD WAR (1918–1920) IN THE MANDATE TERRITORIES FORM

Kirill V. Vertyaev

The article develops the stadial formation thesis of the proto-statehood among the Iraqi Kurds. The concept of national identity of the Iraqi Kurds remains the subject of a complex and long-lasting discussion. The main obstacle for the emergence of the Kurdish integral nationalism is still the fact that the Kurds speak different dialects of Kurdish language, and still maintain political and inter-clan conflicts over the distribution of power (not to mention the futility of any attempts to define political boundaries of Iraqi Kurdistan). Ironically, Great Britain faced practically the same contradictions during its occupation of Mesopotamia at the end of the WWI (following the Mudros armistice in October 1918), when British attempts to create an independent Kurdish state failed for a number of reasons, which are discussed in the article. In our opinion, this period was responsible for the formation of proto-statehood in Kurdish area (Kingdom of Kurdistan, for example, obtained classic characteristics of a chiefdom, but at the same time had a vivid anti-colonial, anti-imperialist orientation). The phenomenology of the British government's political relations with such 'quasi-states' presents the subject for this article's analysis.

Keywords: Iraq, Kurdistan, England, Iraqi Kurds, proto-statehood, the Kingdom of Kurdistan.

For citation: Vertyaev K. V. The Role of England in the Formation of the Proto-Statehood of the Iraqi Kurds after the First World War (1918–1920) in the Mandate Territories Form. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 4. Pp. 179–191. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-4-179-191

Концепт национальной идентичности Иракского Курдистана остается объектом сложной и уже достаточно долго длящейся дискуссии. Источником политической актуализации курдского вопроса на Ближнем Востоке в самом широком смысле явился т. н. «Восточный вопрос», под которым обычно подразумевают потребность восполнения политического вакуума по мере потери Османской империей своих территорий в Европе, на Ближнем

Востоке и в Северной Африке на протяжении XIX — начала XX в. В теоретическом ключе интересно рассмотреть феноменологию протогосударственности (proto-statehood) и ее применимости не только в отношении реалий Иракского Курдистана, но и других современных политических образований (или квазигосударств).

Феномен протогосударственности в отношении курдов (в указанный период еще не имевший отношения к государству Ирак в том виде, в котором оно территориально оформилось в 1923–1926 гг.), начал складываться еще до установления здесь режима мандатных территорий при прямом управлении Англии вскоре после окончания Первой мировой войны, когда в результате образовавшегося здесь безвластия, явившегося следствием бегства или насильственного удаления отсюда Османской администрации (в основном — из числа арабов-суннитов) были осуществлены первые попытки создания здесь курдского независимого государства. В нарушение положений Мудросского перемирия британские войска заняли Мосульский вилайет 8 ноября 1918 г. За день до этого был выпущен совместный меморандум Англии и Франции, в котором отмечалось, что целью оккупации является предоставление независимости всем населяющим эту территорию народам. Этот меморандум стараниями европейцев был максимально доведен до сведения проживающего здесь населения [Eskander, 2012, p. 49].

До начала Первой мировой войны территория компактного расселения курдов представляла собой конгломерат различных племен и племенных конфедераций. Примечательным фактором является то, что попытка формирования курдской протогосударственности в «подбрюшье» Месопотамии сразу после Первой мировой войны зиждется на самом феномене национализма, причем, неважно какого — курдского или арабского, когда помимо различий языка важную роль играет опосредованное национальное мировоззрение. Следуя достаточно общей модели, предложенной Э. Геллнером, традиционные сообщества, подобные курдам, объединялись с целью создания продуктов пропитания, во многом основанном на отгонном скотоводстве, что существенно отличало представителей курдских племен, обитавших в горных и предгорных областях, от племен арабских. Относительно невысокий потолок продуктивности такого общества приводил к тому, что ценности в таком обществе стабильно привязаны к иерархии, принуждению, насилию. По мнению Геллнера, в обществе, подобном «курдистанскому», индивид не получает ничего, повышая эффективность своего труда, но получает все, завоевывая или получая от центральной власти благоприятную позицию в общественной иерархии, т. е. статус [Геллнер, 2002, с. 146–201]. Такие отношения строились на патронажно-клиентских связях. Община с централизованной властью и организованным реципрокным обменом становилась прообразом протогосударства («чифдом»), характерным для многих народов Востока.

Пионерами курдской протонациональной доктрины еще до Первой мировой войны являлись влиятельные шейхи: это и Обейдулла (Нехрили), под руководством которого вспыхнуло первое восстание с целью создания независимого Курдистана (1880 г.), и живший позже Абдулсалам Барзани, дядя Мустафы Барзани, духовный лидер племени барзан, сторонник курдской автономии в составе Османской империи, впоследствии казненный османскими властями из-за предполагаемого сотрудничества с Россией перед началом Первой мировой войны. Именно шейх Абдулсалам Барзани впервые озвучил требование об официальном использовании курдского языка в автономии в своем письме турецкому султану в 1913 г. [Jwaideh, 2006, p. 113]. Можно сказать, что по факту в Ираке и Иракском Курдистане присутствовали два различных источника общенационального сознания и единения, ставивших целью достижение национальной государственности.

Иракский Курдистан как объект политического исследования, а в рассматриваемый период — еще и спорная территория, интересен в своей динамике фактически сразу после завершения Первой мировой войны и развала Османской империи. Примечательно, что М. С. Лазарев выделял субъектность Иракского Курдистана в период

завершения Первой мировой войны, отмечая, что именно здесь, «на полпути между Багдадом и Мосулом фронту Первой мировой удалось стабилизироваться, поскольку британские войска были измотаны в тяжелых для них климатических условиях» [Лазарев, 1972, с. 355–356].

Спор о территориальной принадлежности Мосульского вилайета между Англией и Турцией оставался нерешенным до 1926 г., когда Мосульский вилайет, войдя де-юре в состав Ирака, постепенно превратился в *де-факто* Иракский Курдистан, впоследствии реализовавшийся в форме де-юре автономии, оставаясь на данный момент территориальным субъектом федеративного Ирака. С момента коронации иракского короля Фейсала в 1921 г. (на которой не присутствовал ни один представитель иракских курдов) до 1932 г., когда Ирак получил формальную независимость, эти мандатные территории, согласно решению Лиги Наций, находились под управлением Британии. По сути, мандатное управление являлось новой модификацией старой колониальной структуры, основанной на опоре и культивировании местных властных элит (т. н. «маликийский способ» администрирования; от арабского слова «малик» — король), широко до этого использовавшийся Англией при управлении Индией, в том числе и в потенциально склонных к сепаратизму регионах, таких, как Джамму и Кашмир.

По ряду формальных признаков политическим источником появления государства Ирак явилась политическая организация «Аль-Ахд» («Завет»), созданная в 1913 г. османскими офицерами, выходцами из этих территорий из числа арабов-суннитов. Концепция «Аль-Ахд» подразумевала создание независимого арабского государства с включением в него Сирии и Ирака под руководством эмира Абдуллы, сына эмира Мекки, короля Хиджаза Хуссейна ибн Али аль-Хашими. Однако по ряду других же признаков «Аль-Ахд» была скорее теократическим проектом, чем националистическим, который не ставил целью создания арабского национального государства. Позднее «Аль-Ахд» примкнули к шарифитскому движению, сторонники которого выдвигали территориальные претензии к курдским вождям и шейхам, считая их земли исторической частью Месопотамии [Eskander, 2012, p. 111]. Примечательно, что еще в 1915 г. колониальное Британское Управление Индии, к ведению которого относилось управление оккупированными позже территориями Месопотамии, исключило османский Курдистан из географического определения Месопотамии, поскольку он обладал специфическими этническими, политическими, экономическими особенностями, а границы такого «протогосударства» определялись хребтами Хамрин с юга и Джебель-Синджар с запада [British Desiderata, 1915, p. 83, 86].

Что же касается курдов, то важной политической фигурой, на которую изначально стремились опираться англичане, был шейх Махмуд Барзанджи, сразу после Мудросского перемирия назвавший себя «правителем Курдистана»: первоначально Англия поддержала его в качестве союзника.

Будет не лишним напомнить, что территория Южного Курдистана еще на рубеже XIX–XX вв. была объявлена объектом интересов Англии — словами Лорда Керзона о том, что «граница Индии находится на Евфрате» [Eskander, 2012, p. 17]. На этом фоне цель создания независимого курдского государства ясно звучала в намерениях практически всех курдских национальных активистов того времени. Часть из них, такие, как Абдул Реззак Бедирхан, надеялись в этом на Россию, другие — на Англию. В частности, осенью 1918 г. шейх Махмуд направил письмо британским представителям в Багдаде с просьбой не исключать Курдистан из списка освобожденных народов, о которых шла речь в англо-французском оккупационном меморандуме 8 ноября 1918 г. [Bell, 1920, p. 59].

После оккупации Месопотамии британо-индийскими экспедиционными войсками Англия направила своих военных комиссаров в Киркук, Эрбиль, Мосул. Это были опытные офицеры, один из которых — майор Э. Б. Соун являлся крупным знатоком курдов

[Лазарев, 1989, с. 22]. Однако, в отличие от России, у Англии не было долгой истории контактов с курдским населением Ближнего Востока, которые начались, скорее всего, не раньше 1820-х–1830-х гг. Интересно мнение британского военного советника В. Р. Хейя, в 1921 г. писавшего в отчете следующее: «В расовом отношении курды не являются единым целым. Они представляют собой бессвязный набор племен, предпочитая жить удаленно в горах и платя дань любому правительству, которое демонстрирует нечто большее, чем просто номинальная власть... Курды имеют арийское происхождение и считаются потомками жителей древней Мидии»^[2].

Вопреки устоявшемуся мнению [Камаль, 1967, с. 19], Англия не рассматривала возможности и перспективы расчленения Османской империи в тех границах, в которых Порта вступила в войну, по крайней мере, в первые 10 месяцев военных действий между странами Антанты и Османской империей. Ясно и отчетливо перспективы стран Антанты на расчленение Османской империи были заявлены в соглашениях по Константинополю (1915 г.), договоренностях Хуссейна-МакМахона (1915–1916 гг.), и, наконец, в Соглашении Сайкса – Пико (1916 г.). Все эти соглашения свидетельствовали о намерениях стран Антанты (Англии, Франции и России) ликвидировать османскую власть в вилайетах империи, населенных нетурками на Ближнем Востоке (в числе этих регионов, в том числе, указывались Месопотамия, Сирия, Курдистан) [Natali, 2005, p. 30].

Фактор Октябрьской революции видится определяющим в том, что Англия форсировала оккупацию Южного Курдистана после Мудросского перемирия 1918 г. с целью создания «буферного государства» на пути распространения большевистской угрозы [Ahmad, 1994, p. 105]. При этом исследователи, писавшие о курдском движении времен британской оккупации, ограничивали свой анализ рамками курдской этнической политики, игнорируя фактор Киркука как сложной многонациональной территории.

Основополагающим фактором формирования нового политического вектора, выразившегося в разделе этнического Курдистана, стали не только итоги, сколько само течение Первой мировой войны. На момент заключения Мудросского перемирия Англия с помощью нескольких индийских экспедиционных корпусов оккупировала лишь южную часть этнического Курдистана до городов Киркук, Туз и Кифри. Местные вожди и население всего Южного Курдистана, входящего ныне в состав Ирака, изначально высказали поддержку и лояльность английской интервенции, рассматривая «англичан» (на самом деле и по факту — индийцев) в качестве союзников в деле освобождения не только от турецкого владычества — но еще и от владычества арабов-суннитов, которые в Курдистане представляли административный класс, в целом лояльный османской администрации. Лояльность местного курдского населения позволяла Англии установить свое политическое влияние в регионе, минуя серьезные материальные и военные затраты. Надеясь на поддержку англичан, шейх Махмуд Барзанджи и его сторонники приступили к формированию курдского правительства в Сулеймании.

Шейх Махмуд Барзанджи, сын влиятельного шейха Саида Барзанджи, унаследовавший огромное влияние на курдов Сулеймании, являлся при этом образцом политической оппозиции османским властям в регионе. В декабре 1918 г. Арнольд Вильсон, верховный гражданский комиссар Багдада, через своего представителя в Киркуке майора Ноэля фактически предоставил Махмуду власть над территориями между реками Большой Заб и Дияла, включая нефтеносный Киркук. Дядя шейха Махмуда Саид Омар был назначен губернатором Сулеймании. Его второй дядя был назначен верховным судьей [Hilmi, 2003, p. 104].

Ключевую роль в имплементации «маликийского» способа непрямого управления в Южном Курдистане в первое время после начала оккупации осуществлял майор Ноэль, приступивший к организации городов и селений Курдистана под руководством шейха Махмуда, за что последнему было назначено жалование в размере 15 тысяч индийских

рупий [Fieldhouse, 2001, p. 71]. Ноэль выступал за поддержку курдского национального движения, считая это выгодным с точки зрения интересов Англии. В начале 1918 г. он активно приступил к реализации плана создания т. н. «автономного государства» Курдистан, положившись на авторитет в первую очередь шейха Махмуда, хукумдара Сулеймании, который, видимо, пребывал в уверенности, что речь идет о создании именно независимого курдского государства под его руководством. Согласно плану Ноэля, планировалось создание курдской конфедерации из Южного (с центром в Сулеймании), включая Равандуз, Эрбиль, Киркук и Дохук; Западного (Мосул) и Северного (Диярбакыр) Курдистана. Требование Махмуда присоединить к гипотетическому Курдистану курдские территории Персии были категорически отвергнуты Англией, которая не хотела портить отношения с Персией в виду близости к Индии. Ведущая роль в Северном Курдистане отводилась молодому шейху Саиду Таха, который также выражал лояльность англичанам. Что касается курдской интеллигенции, то она считала этот порядок шагом вперед на пути завоевания национальных прав курдского народа. Однако шейх Махмуд видел «гораздо более важным использовать силы, сосредоточенные в племенах, нежели националистические идеи левого крыла буржуазной интеллигенции» [Kutlay, 2002, s. 109–110].

Сложно сказать, насколько распространялись намерения Махмуда Барзанджи включить территории севернее Малого Заба, которые на момент заключения Мудросского перемирия согласно условиям соглашения Сайкса – Пико (Эрбиль, Равандуз) рассматривались в зоне интересов Франции, выступавшей в тот период резко против идеи курдской независимости, опасаясь, что это приведет к гонениям и репрессиям в отношении проживающих здесь христиан. Подобная точка зрения, естественно, не находила поддержки среди курдского населения в зоне французского влияния, что заставляло курдские элиты идти на сближение с Англией.

Задача Англии (в представлении Ноэля) заключалась в том, чтобы избежать дополнительных государственных военных расходов, людских и имиджевых потерь, связанных с оккупацией Месопотамии в связи с колоссальными расходами и потерями Англии во время Первой мировой войны [Noel, 1919, p. 19]. Вторым немаловажным фактором, определявшим позицию Ноэля в отношении создания независимого Курдистана, являлась Октябрьская революция в России и провозглашение президентом США В. Вильсоном 14 тезисов о праве наций и народов на самоопределение. Оба эти события вызвали широкую поддержку среди курдского населения, и этот факт нельзя было не учитывать в выстраивании политики Англии в подмандатном регионе. У Ноэля был большой опыт работы в северо-западных провинциях Индии, включая Кашмир, Белуджистан, которые выступали в качестве аналогичного буферного протогосударства на подступах к британской Индии. Ноэль предполагал, что независимый Курдистан будет играть роль подобного буфера в отношении Британской Месопотамии — в первую очередь против распространения большевистской угрозы с Закавказья. Ноэль первым из востоковедов обратил внимание на то, как быстро локальный национализм формировал новую политическую карту не только на Ближнем Востоке, но и в Закавказье.

Шейх Махмуд Барзанджи был назван Англией «королем Курдистана» еще 1 января 1918 г., однако племена джаф и пиждар не признавали его легитимности и выступали за прямое правление Британии. При этом 40 вождей, включая иранских курдов, подписали декларацию, признававшую верховенство власти шейха Махмуда. Основным лейтмотивом национально-освободительного подъема курдов Южного Курдистана был лозунг: «Курдистан для курдов под защитой Британии». Эта идея вызвала небывалое воодушевление в среде племенных курдов указанного региона, и все соседние племена, включая проживающих на территории Ирана, показывали явное стремление влиться в это новое курдское государство [Hilmi, 2003, p. 156].

Британия через своих действовавших на местах офицеров согласилась, что к этой конфедерации может присоединиться любое курдское племя, проживающее от Большого Заба до Дияла (исключая персидскую территорию), если оно согласится признать лидерство шейха Барзанджи. Попытка же майора Ноэля покровительствовать правительству Махмуда Барзанджи по сути выливалось здесь в установление «маликийского» способа управления на местах, во многом взятого из политико-административной практики англичан в Индии. Такая система делегировала вождям широкие полномочия, однако в королевстве Курдистан она потерпела крах, поскольку мятежный сулейманийский хукумдар шейх Махмуд Барзанджи стал претендовать на полную политическую независимость своего «королевства» [Вертяев, Иванов, 2015, с. 147].

Вопреки распространенному мнению, возможность предоставления независимости рассматривалась официальным Лондоном в качестве урегулирования вопроса самоопределения бывших курдских регионов Османской империи вскоре после окончания Первой мировой войны. Однако в британских архивных источниках мы более часто встречаем определение «автономного государства» курдов, что, возможно, при общении англичан с местными нотаблями теряло в переводе на курдский первоначальное значение и подразумевалось последними как полностью независимое государство. Так, в начале 1919 г. вожди племени из района Хушнава вблизи Мосула изъявили желание присоединиться к «автономному курдскому государству». Можно говорить, что на данном этапе речь шла не об усилиях по созданию независимого курдского государства, а, скорее, о системе контроля с целью укрепления британских позиций в Южном Курдистане.

Сторонники непрямого политического управления в Британии колебались, поддерживать ли идею автономного или независимого Курдистана вплоть до того момента, пока турки под руководством Мустафы Кемале не победили греков. Казалось бы, Британии нужно было форсировать создание курдского государства, чтобы к началу международной мирной конференции в Париже в 1919 г. оно существовало *a fait accompli*, т. е. как свершившийся факт. В начале 1919 г. майор Ноэль предпринял поездку в Северный Курдистан в поиске поддержки идеи курдской независимости под руководством Махмуда Барзанджи. Спешка в создании независимого Курдистана диктовалась как большевистской угрозой, так и распространением пантюркизма.

Однако в июне 1919 г., когда лояльного курдской независимости (и во многом — соавтор проекта независимого Курдистана) майора Ноэля заменил в качестве верховного британского комиссара А. Т. Вильсон, курдистанское правительство в Сулеймании потребовало уже от последнего гарантий политического будущего не только Южного, но и всего Курдистана, включая и его персидскую часть, т. е. подразумевая создание независимого Курдистана под защитой Великобритании. Как отмечалось, часть вождей восточного (персидского) Курдистана также изъявили желание войти в состав автономного курдского государства под предводительством шейха Махмуда.

На этом фоне английские офицеры на местах отчетливо фиксировали труднопреодолимые межплеменные разногласия, когда, например, курдские племена Мосульского региона в районах Захо и Акры демонстрировали стойкое неприятие власти сулейманийского шейха Махмуда Барзанджи, рассматриваемого Англией как наиболее авторитетного и удобного для нее лидера для курдов. Кроме того, с мая 1919 г. указанные курдские племена стали оказывать ожесточенное сопротивление планам Англии утвердить здесь прямое британское управление. В британских архивах в качестве «категорически анти-британских» назывались племена сурчи и барзани. Тогда же Англия начала нести и людские потери: в столкновениях с племенными курдами погибли несколько английских офицеров.

Эскалация насилия и противодействие курдов Ревандуза и Эрбиля английскому диктату крайне обеспокоило курдские националистические круги Северного Курдистана из-за опасений, что Англия откажется от своих обязательств покровительствовать национальным интересам курдов на мирной конференции и принятия мандата над всей территорией этнического Курдистана, под которым курдские интеллектуалы и националисты рассматривали весь этнический Курдистан, включая его северную часть. Однако Северный Курдистан по многим аспектам и способам осуществления патронажно-клиентских отношений отличался от Южного Курдистана. Руководство созданного в 1918 г. Комитета возрождения Курдистана, озабоченное столкновениями курдов с британцами в районе Мосула и Ревандуза предлагало в качестве временной меры «вплоть до провозглашения независимости Курдистана назначать сюда тех британских административных лиц, которые хорошо знакомы с характером и психологией племен» [Göldaş, 1991, s. 171].

В итоге Вильсон, в отличие от своего предшественника Ноэля, выступил против любой формы курдской независимости — он был известен как консервативный сторонник превращения Южного Курдистана в классическую британскую колонию. Он настаивал на разделенности курдов, на отсутствии единого лидера, что давало Англии моральное право ввести прямой протекторат над этой территорией — то есть назначать на местах британских офицеров, наделенных административными функциями с курдами в качестве консультантов при них [Wilson, 1931, p. 112]. Это вызвало категорическое неприятие со стороны Барзанджи и сторонников полной независимости курдского государства. С другой стороны, формирование границ королевства Курдистан во многом зависело от того, признавали или нет местные курдские вожди и нотабли власть Махмуда Барзанджи. Курды Киркука отказались это сделать уже в феврале 1919 г.

В донесении Вильсон писал: «Все части Киркука ясно выражают свой протест против возможности назначения сулейманийского шейха Махмуда (Карадаглы) в качестве вали Курдистана. Видимо, путь прогресса в этом направлении лежит через Багдад, а не через Сулейманию. Кроме того, нет никаких следов курдских националистических сантиментов в Киркуке. Британская защита крайне необходима здесь, равно как и отсутствие любых административных границ между курдами и арабами» [Bet-Shlimon, 2019, p. 40]. Таким образом, нотабли Киркука и других областей гипотетического Курдистана с начала британской оккупации демонстрировали нежелание подчиняться местной политической власти в Сулеймании, с одной стороны, а с другой — поддерживали ту или иную форму внешнего управления над курдскими территориями. Это происходило в том числе и из-за длящегося годами соперничества между племенами барзанджи и талабани. В частности, представители племени джаббари, находившиеся под управлением клана барзанджи, были выведены из административного совета Киркука и переподчинены курдскому руководству в Сулеймании. Киркук был отторгнут англичанами из-под юрисдикции курдского правительства в Сулеймании. Внутренняя оппозиция курдов в отношении консолидации власти в руках сулейманийского хукумдара отражалась и на потере Махмудом прежней поддержки со стороны британских оккупационных властей. Это вынудило Махмуда самопровозгласить себя в Сулеймании королем Курдистана без оглядки на Англию, после чего Сулеймания была взята англичанами, а курдистанское правительство ликвидировано.

Тем не менее британская политика того времени косвенно признавала курдов в качестве нации, способной к самоуправлению и независимости. Вильсон писал: «В течение 1920 г., когда полыхало пламя арабских восстаний, Южный Курдистан оставался самым спокойным регионом, несмотря на то что в течение некоторого времени он был абсолютно изолирован и в нем отсутствовал британский гарнизон. К концу 1920 г. британское правительство пришло к необходимости пересмотра своих позиций и ответственности в Месопотамии; было принято решение, что единственной альтернативой отмены мандата, выданного на основании решения Лиги наций, является

признание национальных правительств на мандатных территориях вместо британской администрации» [Wilson, 1931, p. 131].

Однако по факту действовавшие от имени Англии на местах Перси Кокс, Вильсон и Лоуренс никак не поддерживали идею курдской независимости, выступая за независимость Ирака, частью которого были курды, но под руководством арабов. Возможно, это было ответом на антибританские, антихристианские действия части курдских племен. Второй фактор — необходимость использования курдов в качестве козыря в политике в отношениях с Турцией. У англичан не было опыта длительных контактов с курдами, которые начались только в середине XIX в., в то время как с арабами — с XVII в. Возможно, свою роль сыграл известный британский принцип «Лучше иметь дело с сатаной, которого хорошо знаешь» [Hilmi, 2003, p. 29]. В целом британское правительство осознавало, что Южный Курдистан обладает иным политико-административным статусом, отличным от оккупированной англичанами Месопотамии. По экспертному мнению майора Ноэля, та или иная форма непрямого управления, под которым подразумевалось создание автономного курдского государства, была необходимым условием поддержания доверия курдов к британско-индийским оккупационным властям. Таким образом, Ноэль считал «крайне необходимой апелляцию к националистическим курдским сантиментам в противовес панисламистским тенденциям» [Noel, 1919, p. 21]. По предложению Ноэля курдское автономное государство рассматривалось южнее реки Малый Заб до Ханакина на юге, не включая последний в состав гипотетического курдского государства [Bell, 1920, p. 58–59]. Однако Лондон также отказался (несмотря на настойчивость Ноэля) включать в курдское государство и Персидский Курдистан, что диктовалось нежеланием Англии ссориться с Тегераном.

Согласно мнению историка Дэвида Макдауэла, разделение Британией этнического Курдистана явилось отражением существующих экономических реалий путем включения Южный Курдистан в мандатные территории Месопотамии, когда признание этнических границ между различными географическими элементами Месопотамии явилось бы «стратегическим и экономическим нонсенсом» [McDowall, 1996, p. 134]. В свою очередь Вильсон говорил: «Попытка оставить Мосул, Эрбиль и Сулейманию негативно скажется на наших позициях в Багдаде и Басре... Эти три вилайета составляют единое целое и не имеют естественных экономических связей с Турцией и Сирией и наше оставление этих регионов приведет к росту анархии и хаоса». Второй причиной неудачи в деле создания курдского государства на рассматриваемом этапе он видит отсутствие единого курдского лидера, который смог бы обеспечить объединение территорий Северного и Южного Курдистана [Noel, 1919, p. 22].

У официального Лондона и у племенных элит, представлявших курдов, требовавших реализации права курдского народа на самоопределение, были очевидные разночтения в трактовке понятия «автономное курдское государство». Вильсон использовал слово «конфедерация» в отношении курдов Южного Курдистана, при этом курдистанское правительство в Сулеймании рассматривалось им, как временное явление. Курды Южного Курдистана со своей стороны искали покровительства страны-победительницы в войне (конкретно — Англии) с целью создания собственного независимого государства.

Решение о ликвидации курдского правительства в Сулеймании было принято Вильсоном самостоятельно, без консультаций с английскими офицерами, служившими в этом правительстве консультантами. Это привело к курдскому восстанию, однако не с целью полной ликвидации английского протектората, а с целью восстановления прежних договоренностей о статусе правительства в Сулеймании, и на начальном этапе восстание не ставило целью ликвидацию британского присутствия в Курдистане. К 1920 г. восстание охватило также и часть оккупированной Англией Месопотамии, где местные арабские племена также выступали против введения здесь прямого британского

управления. Попытка утихомирить курдов частично удалась. Она заключалась в предоставлении курдским нотаблям почетных должностей и возможности проведения консультаций по административным вопросам. При этом англичане (майор Соун, ответственный за ведение политических переговоров с курдами) считали необходимым поставить во главе курдского правительства более лояльного Англии Хамди Бека Бабана.

С целью разрешения противоречий англичане (в лице капитана К. Т. Била) предполагали создать в рамках непрямого управления «небольшое курдское государство» в регионах Ревандуз и Барзан. Во главе такого квазигосударства рассматривался молодой шейх Сайид Таха. Однако поняв, что Англия склоняется к превращению Южного Курдистана в очередную колонию и не стремится реализовывать принципы и права народов на самоопределение, шейх Махмуд в мае 1919 г. поднял восстание против англичан. Со своей стороны, курдские националистические круги из Сулеймании настаивали на такой форме автономии, которая позволила бы им избежать включения в будущее месопотамское государство, создаваемое англичанами. Очевидным было и то, что даже вожди, заявлявшие о своей оппозиции шейху Махмуду Барзанджи и его правительству, выступали за автономию курдского государства и резко против его превращения в прямой протекторат Англии. В июле 1920 г. курдские вожди и городские нотабли — как Сулеймании, так и Эрбиля — приняли совместный меморандум, подписанный 62 курдскими вождями, с требованием провозглашения независимого курдского государства под британским мандатом, как это было договорено изначально [Hilmi, 2003, p. 201].

Расхождения взглядов Ноэля в Сулеймании и Вильсона в Багдаде по вопросу политической субъектности курдов в политике Англии на Ближнем Востоке вызывали нерешительность Форин-офиса и Управления по делам Индии, обеспечивавшего выполнение британской миссии в Месопотамии. Данная нерешительность явилась отражением основной политической линии Англии на Парижской мирной конференции, сформулированной таким образом, что Англия отказывалась от применения силы за пределами существующих границ Месопотамии и Южного Курдистана, сложившихся в результате интервенции Англии. Поэтому эти границы признавались временными лишь для того, чтобы обозначить политические обязательства в рамках договора с Турцией, а это означало, что Англия отказывалась от применения военной силы в отношении спорных территории Армении и Северного Курдистана. И что немаловажно, Англия отказывалась от взятия на себя мандата в отношении всего Курдистана, включая его северную часть. Мирный договор с Турцией означал, что Англия согласилась с разделом Османского Курдистана и с передачей Южного Курдистана под мандат Англии.

Как отмечалось, ответственный за проведение британской политики на местах майор А. Вильсон действовал на свое усмотрение, и результаты его действий нередко имели существенное расхождение с планировавшейся официальным Лондоном политикой в отношении курдов. На заседании межведомственной конференции по Ближневосточным вопросам в Лондоне, специально созванной Лордом Керзоном для обсуждения политического будущего Месопотамии в апреле 1919 г., Вильсон заявил, что «с точки зрения британских интересов вместо единого и автономного Курдистана на территориях, оккупированных Англией, целесообразно создание четырех автономных курдских государств: одно — в Сулеймании и окрестностях, второе — в Равандузе, включая Эрбиль, третье — в Амадии, и четвертое — в Джазире-ибн-Омар» [Wilson, 1931, p. 131]. Согласно принятым на конференции решениям, А. Вильсон был уполномочен Лондоном «предпринять на месте шаги, направленные на создание пяти провинций Ирака и арабской провинции Мосула, окруженных курдскими окраинными «автономными государствами» под руководством курдских вождей с приставленными к ним британскими консультантами» [Wilson, 1931, p. 131]. Официальный Лондон давал представителям в Багдаде право действовать на местах сообразно складывающейся обстановке, в том числе и касательно ситуации в Южном Курдистане. В Лондоне отлично понимали

различия между Месопотамией и Южным Курдистаном, что подтверждалось наличием более-менее консенсусной политики в отношении Месопотамии и отсутствием таковой в отношении Южного Курдистана.

В декабре 1918 г. оформилось видение Великобритании двух основных форм прямого административно-политического контроля в Южном Курдистане. В первом случае — курдские племена в горных и труднодоступных областях Южного Курдистана под номинальным руководством вождей из числа лояльных британским оккупационным властям; что касается оседлых курдов, то их политико-административный контроль осуществлялся напрямую британскими офицерами, а Сулейманийский регион разделялся на 5 районов, управляемых британцами, причем сами эти районы делились на мюдерлики (управления), во главе которых стояли местные, в том числе и курды. С внедрением подобной системы количество курдов, представленных в сулейманийском правительстве, уменьшилось с 62 человек до девяти. С другой стороны, в результате замены старого османского управленческого аппарата, костяк которого составляли арабы-сунниты, покинувшие курдские территории и уехавшие в Багдад, по сути, произошла люстрация госаппарата.

Таким образом, период 1919–1920 гг. был исключительно важен для будущего политического субъекта (Иракского Курдистана) ввиду тех последствий, которое возымело внедрение Британией здесь прямого политического управления и потеря курдами «беспрецедентной возможности достичь своих национальных чаяний». Был взят курс на инкорпорирование Южного Курдистана в состав Месопотамии, что во многом и определило дальнейший дискурс политического развития этого региона.

Ликвидация курдской протогосударственности в лице правительства шейха Махмуда Барзанджи в Сулеймании некорректно связывать с его недееспособностью — как раз наоборот, источники демонстрируют, что правительство было успешно в выполнении задач, обозначенных на стадии ранних договоренностей с майором Ноэлем: обеспечение политической стабильности. После поражения восстания Махмуда Барзанджи Британия рассматривала введение местного самоуправления в Курдистане под началом другого влиятельного курдского вождя. Таким рассматривался Саид Таха из племени шемдинан. Саид Таха намеревался под началом Британии инициировать создание курдского государства с включением в него и иранской части. Курдистан в проекте Саида Таха рассматривался как децентрализованное государство с республиканской формой правления [Hilmi, 2003, p. 112]. Важным моментом оставались гарантии со стороны Британии «пассивности» ассирийских и армянских меньшинств на территории Курдистана и их непротivления идее создания независимого Курдистана. Помощь со стороны Британии была аналогична той, которую она оказывала создаваемому иракскому государству, однако этот проект был отклонен, ввиду того что британское правительство считало, будто курдские требования будут максимально исполнены усилиями Парижской конференции.

Тот факт, что Мосульский вилайет был включен в Ирак только в 1926 г. и сам Ирак находился под мандатным управлением Англии до 1932 г., оказал существенное влияние на уникальность региона Курдистан в составе Ирака. В этот период Турция и Иран стали полностью независимыми государствами, что позволило им проводить собственную национальную политику в отношении курдского населения, полностью отрицая, либо существенно ограничивая их национальные права, иракские курды оставались субъектами политики Англии в Ираке, которая, по мнению Офры Бенджио, полностью противоречила как иракским, так и курдским национальным интересам, а неопределенность Англии в курдском вопросе служила благодатной почвой как для расширения влияния курдского национализма, так и суверенизации региона [Bengio, 2012 p. 16]. Одним из таких примеров может служить принятие закона о региональных языках при мандатной администрации. С другой стороны, это положило начало для кого-то

мнимой, а для кого-то очевидной зависимости курдского национального движения от поддержки со стороны крупных держав, не являвшихся географическими соседями иракских курдов: Англии, СССР и США. Однако «благодаря» их усилиям курды как нация не получили возможности позиционировать себя на международной арене в качестве суверенного государства в той степени, в какой это оправдывалось правом наций на самоопределение. В общеисторическом же ключе, несмотря на то что курды были лишены такого права, они получили право, возбуждая против себя центральные правительства стран, разделивших Курдистан, постоянно выносить этот вопрос на повестку дня. И в этом видится главный итог британского правления в Курдистане.

Литература / References

Вертяев К. В., Иванов С. М. *Курдский национализм. История и современность*. М., 2015 [Vertyaev K., Ivanov S. *Kurdish Nationalism. History and Modernity*. Moscow, 2015 (in Russian)].

Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. *Нации и национализм*. М., 2002. С. 9–61 [Gellner E. *The Coming of Nationalism. The Myths of the Nation and Class*. *Nations and Nationalism*. Moscow, 2002. Pp. 9–61 (in Russian)].

Камаль М. А. *Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане*. Баку, 1967 [Kamal M. A. *National Liberation Movement in Iraqi Kurdistan*. Baku, 1967 (in Russian)].

Лазарев М. С. *Курдский вопрос. 1891–1917*. М., 1972 [Lazarev M. S. *Kurdish Question. 1891–1917*. Moscow, 1972 (in Russian)].

Ahmad K. *Kurdistan during the First World War*. London, 1994.

Bell G. *Review of Civil Administration of Mesopotamia*. London, 1920.

Bengio. O. *The Kurds of Iraq. Building a State within a State*. London, 2012.

Bet-Shlimon A. *City of Black Gold. Oil, Ethnicity and the Making of Modern Kirkuk*. Stanford, 2019.

British Desiderata in Turkey in Asia. App. VI. *The Future of Settlement of Eastern Turkey in Asia and Arabia*. Note by the Secretary, Political and Secret department. March 14, 1915 CAB27/1 PRO.

Eskander S. B. *From Planning to Partition: Great Britain's Policy Towards the Future of Kurdistan*. Hawler, 2012.

Fieldhouse D. K. (ed.). *Kurds, Arabs and Britons. The Memoir of Col. W. A. Lyon in Kurdistan, 1918–1945*. London, 2001.

Göldaş İ. *Kürdistan Teali Cemiyeti*. Istanbul, 1991.

Hilmi R. *Memoirs. Iraq and Kurdistan (1908–1923)*. London, 2003.

Jwaideh W. *Kurdish National Movement. Its Origins and Development*. New York, 2006.

Kutlay N. *21 yüzyıla girerken Kürtler*. Peri yayınları, 2002.

McDowall D. *A Modern History of the Kurds*. London, 1996.

Natali D. *The Kurds and the State. Evolving National Identity in Iraq, Iran and Turkey*. Ney York, 2005.

Noel E. W. C. *Note on the Kurdish Situation*. July 1919 F0371/4192/PRO.

Wilson A. *Mesopotamia, 1917–1920. A Clash of Loyalties*. London, 1931.

1. Кирилл Валентинович ВЕРТЯЕВ, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kitezh@mail.ru

Kirill V. VERTYAEV, PhD (Politology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; kitezh@mail.ru

ORCID ID: [0000-0003-3533-3684](https://orcid.org/0000-0003-3533-3684) ↑

2. Цит. по.: [Fieldhouse, 2002, p. 33]. ↑